

ЧЭНЬ ЯНЬ

главный герой

ТОМ 1

主角

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ
ИЗДАНИЕ

Москва
2023

УДК 82-3(510)
ББК 84-44(5Кит)
Ч978

*Права на издание данной книги предоставлены
ООО «Генеральное издательство Шэньсийского
педагогического университета»*

Чэнь Янь

Ч978 Главный герой. Иллюстрированное издание. — [пер. с кит. Г. Н. Знаменская]. — Том 1. — М.: «Издание книг ком», 2023. — 688 с., ил.

ISBN 978-5-907733-12-1

ISBN 978-5-907733-09-1 (Том 1)

«Главный герой» — один из романов трилогии шэньсийского писателя Чэнь Яня. Роман был впервые опубликован в одиннадцатом выпуске журнала «Народная литература» в 2017 году и сразу же был издан в формате книги в 2018 году.

В книге автор живым языком рассказывает историю жизни знаменитой театральной актрисы И Циньэ, посвятившей классической оперной сцене около полувека, о её непростых отношениях с коллегами, о её трагедии в семье, и о её всепоглощающей страсти к искусству — к опере циньцян — жанру, имеющему многовековую историю с многочисленными взлётами и падениями. Это трогательная, захватывающая история о судьбе человека, написанная в жанре классического китайского романа с сохранением местного колорита, и это — настоящая «китайская история».

В трилогии Чэнь Яня также входят роман «Декоратор» и сборник «Рассказы из Сицзина».

УДК 82-3(510)
ББК 84-44(5Кит)

ISBN 978-5-907733-12-1
ISBN 978-5-907733-09-1
(Том 1)

© Чэнь Янь, 2023
© ООО «Генеральное издательство
Шэньсийского педагогического
университета», 2023

*Все персонажи данной книги являются вымышленными,
и любые совпадения с реально живущими или когда-либо
жившими людьми случайны.*

Автор

ЧАСТЬ
первая

Глава 1

Её имя — И Циньэ. С рождения звали И Чжаоди¹. Когда же она достигла славы, драматург Цинь Бава предложил ей имя И Циньэ².

Чтобы И Чжаоди взяли в труппу уездного театра, её дядя придумал ей первый псевдоним — И Циньэ³.

Много лет спустя И Циньэ хорошо помнила поворотный момент своей жизни: послеполуденное солнце палило особенно нещадно, она в это время пасла овец на склоне горы напротив дома. Её голову обвивал венок из ивовых ветвей. Под палящим солнцем листья на них совсем засохли. Вдруг раздался истошный вопль матушки, призывавший девочку домой: дядя вернулся.

Её дядя, Ху Саньюань, служил барабанщиком в уездном драматическом театре. Матушка постоянно его бранила, называя его бестолочью: мол, театральное дело освоил, а вести себя

¹ Имя Чжаоди (招弟) переводится как «Призывающая братика». В Китае рождение сына традиционно вызывало больше радости, чем рождение дочери.

² Имя Циньэ (秦娥) переводится как «красавица из [царства] Цинь», а сочетание с фамилией образует название известной мелодии цыпай — «Ициньэ» (忆秦娥), на которую слагали стихи Ли Бо, Ли Цинчжао и другие знаменитые поэты.

³ Циньэ (易青娥) — букв. «превращающаяся в прекрасную девушку».

на службе подобающим образом так и не научился. Девочка не знала, что она имела в виду под словами «вести себя подобающим образом», а матушка всё равно продолжала брюзжать.

Во время гастролей уездного театра И Чжаоди отправлялась с матушкой за десятки вёрст смотреть представление. Она посмотрела несколько спектаклей и увидела, насколько энергичен и одухотворён её дядя во время выступления. Он расставлял перед собой несколько барабанов разной величины. Как только посреди инструментов показывалась его фигура, он едва ли не затмевал самих актёров — в этом ни у кого из зрителей не было сомнений. Перед началом спектакля он размеренно, раскачиваясь из стороны в сторону, выносил кувшинчик чая, вмещавший в себя ковш воды. Он усаживался на стул, закидывал ногу на ногу и, опираясь на спинку, стелил на бедро кусок белой ткани, шумно дул на кипяток, делал несколько глотков чая, и только после этого он вынимал из длинного тканого чехла барабаны и пару палочек.

К слову, барабанные палочки ведь очень похожи на китайские палочки для еды: тонкие, длинные. Когда такими «столовыми приборами» ударяли по натянутой коже барабана, они, казалось, вот-вот переломятся, но музыкант ослаблял руки, и палочки легко рикошетили. Гром ударов в гонг, звон колокольчиков, и «китайские палочки» пускались в пляс. Уголки дядюшкиного рта напряжённо вздрагивали, нижняя челюсть двигалась то вверх, то вниз. Он, сверкая глазами, бросал взгляд то вправо, то влево, сменяя моменты затишья громовыми кульминациями, от которых всё вокруг, среди гор, тотчас оживало. Услышав, что начинается что-то интересное, народ в спешке подтягивался к очагу событий и обступал сцену. Позже Чжаоди узнала, что это называется завлечением публики. По сути, так артисты приветствовали местных жителей, возвещали о начале спектакля и зазывали зрителей. Чем больше было зрителей, тем бодрее подпрыгивали барабанные палочки в руках дяди. От его стремительного барабанного

тремело, напоминавшего шторм, с крыш домов валилась черепица. Палочки, без устали стучавшие по мембране барабана, казалось, замирали в воздухе, но при этом инструмент беспрестанно издавал звонкий треск. Даже когда начался спектакль, многие взгляды были по-прежнему прикованы к дяде, несмотря на то что на сцене уже появились актёры. И Чжаоди несколько раз слышала, как её дядя хвастался, что в ближайших семи-восьми уездах не сыскать такого мастера игры на барабанах, как он. Он видел постановки Большого провинциального театра, и, по его словам, те барабанщики ему в подмётки не годились.

Но, как бы дядя ни бахвалился, матушка, едва увидев его, начинала его бранить, мол, всю жизнь только и знает, что барабанить да за бабами таскаться. Тридцать лет мужику, а всё не может привести в дом порядочную невестку. Дурная слава дяди докатилась до соседних уездов. Позднее, уже оказавшись в театральной труппе, Чжаоди узнала о том, насколько скверный человек её дядя. Сколько раз ей было за него стыдно, сколько раз ей хотелось убежать! Но об этом немного позже.

Когда Чжаоди вернулась с пастбища, дядя уже уплетал домашнюю лапшу с яйцом и рубленным мясом, которую приготовила её матушка. Рядом с дядей сидел отец, настойчиво предлагая гостю вино. Дядя сказал, что ему уже достаточно, иначе грандиозный план обернётся крахом.

Потом он, обратившись к матушке, добавил:

— Приведи-ка Чжаоди в порядок, наряди как следует, да пошустрее. Вечером отвезу её в общину, там переночуем, а утром сядем на служебный автобус и поедem в уездный центр. Смотри, во что ребёнка превратили! Пашет, как ломовая лошадь! А ведь всего одиннадцать лет девчонке. Ходит оборванкой, как не в семье растёт! На голове воронье гнездо.

Раньше за такие слова матушка его бранила бы полдня, но сегодня она не возразила ему ни слова и тотчас же бросилась купать и причёсывать дочь. Затем дядя прибавил:

Ее имя — И Циньэ. С рождения звали И Чжаоди. Когда же она достигла славы, драматург Цинь Баба предложил ей имя И Циньэ.

Чтобы И Чжаоди взяли в труппу уездного театра, ее дядя придурил ей первый псевдоним — И Циньэ.

Много лет спустя И Циньэ хорошо помнила поворотный момент своей жизни: послеполуденное солнце палило особенно нещадно, она в это время нашла овец на склоне горы напротив дома. Ее голову обвивал венок из ивовых ветвей. Под пальцами солнцем листья на них сохли, засохли. Вдруг раздался истошный вопль мамышки, призывавший девочку домой: дядя вернулся.

Ее дядя, Ху Саньюань, служил барабанщиком в уездном драматическом театре. Мамышка постоянно его бранила, называя его бестолочью: мол, театральное дело освоил, а вести себя на службе подобающим образом так и не научился. Девочка не знала, что она имела в виду под словами «вести себя подобающим образом», а мамышка все равно продолжала брюзжать.

— И вшей надо вычесать, гнид повывёргивать, а то в городе засмеют. Матушка ответила:

— Знаю, знаю.

Она отчаянно продирала шевелюру гребешком, выдёргивая клочья волос, так что от боли на глазах у девочки едва не выступали слёзы. Матушка без устали орудовала то гребешком, то расчёской, Чжаоди инстинктивно втягивала голову, пытаясь уменьшить свои страдания. Мать щёлкнула её по затылку:

— Она ещё и увиливает! Дядя тебе сыскал такую возможность! Уездный драмтеатр набирает молодых актёров, поедешь. Только вот голова-то как инеем покрыта: вся в гнидах. Кто тебя в таком виде на сцену пустит? — договорила и ещё раз щёлкнула по затылку.

Чжаоди, не зная, радоваться ей или горевать, растерянно понурила голову. О выступлениях с уездной театральной труппой она даже не мечтала. За бутылкой вина дядя как-то говорил, что, если в труппу будут набирать новых людей, нужно будет отправить кого-то из двух сестёр, чтобы в семье одним ртом меньше было. Чжаоди думала, что речь, конечно, шла о её старшей сестре Лайди⁴: она и красивее, и способнее, Чжаоди же была недотёпой. Матушка всегда говорила, что Чжаоди так и будет всю жизнь пасти овец. Теперь же, вопреки ожиданиям, на прослушивание отправили младшую дочь.

Вымыв голову, Чжаоди спросила мать, заплетавшую ей косу:

— Это такая удача, почему же еду я, а не сестра?

Матушка ответила:

— Сестра всё-таки уже взрослая, у неё по дому много работы, не бросать же ей хозяйство. Мы с отцом поговорили, да и дядя твой не против, так что ты поедешь.

— А если меня не возьмут, что тогда? — спросила Чжаоди.

Матушка сказала:

— Твой дядя сам артист, может замолвить за тебя словечко. Кто посмеет тебя не взять?

⁴ Имя Лайди (来弟) переводится как «младший братик, приходи».

Она достала из сестриного ящика две цветастые заколки и украсила ими волосы Чжаоди. Эти заколки сестра купила на деньги от продажи собранного ею ямса. Она так берегла эти заколки, что даже сама не носила.

— Сестра не разрешает мне их брать, а ты просто дашь их мне без спроса? — спросила Чжаоди.

— Посмотрите, какие мы боязливые! У тебя впереди долгий путь, неужели твоя сестра пожалеет для тебя две заколки с цветочками?

Договорив, матушка окинула её взглядом. Как ни крути, одежда выглядела нелепо. Мало того, что она висела мешком, так ещё и сплошь заштопана на сто рядов: на плечах, рукавах и снизу. Вся эта одежда — это перешитые старые вещи матушки. Немного обдумав, она вдруг взяла топор и выломала замок на сундуке с вещами Лайди. Оттуда она вытащила зелёную кофту. Лайди купила её в комбинате бытового обслуживания в позапрошлом году, дважды встретила в ней Новый год да раз вытащила в июне на солнце, чтобы от сырости не завелась плесень, и на этом всё. Оба раза на новый год Лайди давала младшей сестре примерить эту кофту, но только примерить — и сразу же велела снять. Всё остальное время кофта хранилась в запёртом сундуке. Даже матушка не знала, где лежал ключ от него.

Чжаоди не смела надевать её, и тогда матушка сама натянула на неё эту кофту. Вещь была заметно великовата, но в ней девочка уже выглядела очень опрятно и прелестно.

Хорошо, что в тот день старшей сестры не было дома, иначе не видать бы девочке кофты.

Перед выходом дядя окинул племянницу взглядом и произнёс:

— Ну и видок у ребёнка! Вырядили, как деревенскую мамашу. Неужели ничего более подходящего не нашлось?

Матушка сказала:

— У нас и правда больше ничего нет. Только то, что на ней, и то не её, а сестры.

Дядя беспомощно вздохнул:

— Вот ведь жизнь собачья... Ладно, бог с ним. Купим тебе что-нибудь в городе. Пошли!

Едва они сделали несколько шагов, матушка разразилась рыданиями.

Она вдруг бросилась вслед за дочерью, крепко обняла её и не хотела отпускать. Она причитала: как же отправлять такую маленькую девочку играть на сцене, сколько горя она хлебнёт? Пасла бы дома овец, всегда под присмотром, а там, вдали, в уездном центре, будет совсем одинёшенька, а ей ведь и одиннадцати не исполнилось! Чем больше матушка об этом думала, тем труднее было отпускать дочь.

Дядя сказал:

— Полно тебе, отпусти. Пусть у неё будет лучшая жизнь. Как вступит за порог театра, с голоду не умрёт — государство будет кормить. Сама по пальцам посчитай: многие ли из Цзюяньгоу получают зарплату из казны?

А считать-то особо и нечего: за последние годы из местных жителей в люди выбился только дядя.

Отец сказал матушке, что дочку надо бы отпустить, может, хоть у неё будет светлое будущее.

Чжаоди, заливаясь слезами, последовала за дядей.

Миновав окраину деревни, дядя сказал:

— Надо бы тебе сменить имя. Негоже зваться Чжаоди. «Призывающая братика», «Зазывающая братика», «Манящая братика» — эти имена все из феодальных предрассудков, городские засмеют. Пусть тебя зовут И Циньэ. В провинции есть знаменитая актриса Ли Циньэ, а ты будешь И Циньэ. Может, когда-нибудь будешь такой же известной, — договорил он и довольно улыбнулся.

Но И Чжаоди, внезапно превратившаяся в И Циньэ, не улыбалась. Слова дяди показались ей каким-то заклинанием.

И Циньэ скучала по матушке, скучала по своим нескольким овечкам. Они всё так же паслись на склоне горы, мирно блея.

Десять лет спустя И Циньэ вновь сменила имя и стала зваться И Циньэ.

В глубине её памяти сохранились воспоминания о том дне, когда она покинула отчий дом. Помимо двух цветастых заколок и зелёной кофты её сестры, матушка скрепя сердце, подавляя в себе чувство стыда, выпросила у соседей белые кеды марки Warrior. На обоих ботинках просвечивались большие пальцы. Соседка заботливо украсила прохудившиеся места, вышив на них белыми нитками два цветка хризантемы, а после выстирала кеды и подкрасила белилами, и они стали белоснежными. Кеды были великоваты, — матушка насовала внутрь кукурузных листьев, но несмотря на это обувь смотрелась очень красиво. Девочка шла по дороге и не сводила глаз со своих стоп, за что несколько раз получила выговор от дяди: «Чего уставилась на свои ноги? Прямо как мать: такая же бестолковая деревенщина!»

Годы спустя драматург Цинь Бава в воспоминаниях об известной исполнительнице оперы циньцян И Циньэ писал следующее:

Вечером 5 июня 1976 года знаменитая исполнительница оперы циньцян И Циньэ вместе со своим дядей Ху Саньюанем, прославленным барабанщиком-дирижёром, покинула Цзюяньгоу, что в глубинке за хребтом Циньлин.

Это произошло за девятнадцать дней до её одиннадцатого дня рождения.

На ней была пара белых кед Warrior, милосердно подаренных односельчанами...

Глава 2

Дядя привёл И Циньэ на ночлег в общинный постоянный двор.

Многие из общины хорошо знали дядю и вечером зашли к нему в комнату посплетничать, собрав полуалтарь с вином из сахарного тростника и чашкой маринованной редьки

в качестве закуски. Они пили до глубокой ночи. И Циньэ лежала во внутренней комнате, укрывшись одеялом, делая вид, что спит, а сама вслушивалась в их непонятные выражения. О смысле некоторых слов она могла догадаться, а некоторые не понимала совсем. Друзья спросили дядю: правда ли, что актёры театра особенно сластолюбивы? Лишь несколько лет спустя И Циньэ поняла, что значит «сластолюбивы». Дядя ответил:

— Чушь собачья.

Кто-то сказал:

— Ой, все говорят, что в труппе и мужчины, и женщины могут спокойно заниматься ЭТИМ.

Дядя ответил:

— Вас послушаешь, так получается, что актёры театра под руками причинные места прячут, а как только руки убирают, так сразу проблем полон подол. Театр — это серьёзная организация: здесь правила жёсткие, как и в вашей общине. Кто бежит за каждой юбкой, тот сразу же вылетает. Сколько выборных секретарей у вас в общине лишилось должности из-за своих амуров?

Потом, напившись вина, собравшиеся стали расспрашивать дядю:

— А ты, говорят, монах-сластолюбец. Правда это?

Всем хотелось узнать, сколько у дяди партнёров. Дядя упорно уходил от ответа, и тогда несколько гостей стали дёргать его за штаны, приговаривая:

— Ну, давай, колись, есть у тебя девочка? Есть?

Кто-то закрыл среднюю дверь. И Циньэ поняла, что несколько человек, видимо, в конце концов умудрились стянуть с него штаны. Дяде, похоже, пришлось признаться, что есть у него одна зазноба. Что происходило дальше, И Циньэ не знала.

Следующим утром она отправилась вместе с дядей на служебном автобусе в уездный центр. По дороге автобус несколько раз ломался, поэтому в пункт назначения они прибыли затемно. Дядя завёл И Циньэ, всю дорогу вертевшую головой

по сторонам, в переулок, такой узкий, что в нём едва ли могли разъехаться два велосипедиста. Они шли довольно долго. Наконец перед ними возникла арка высотой в два человеческих роста, достаточно широкая, чтобы сквозь неё могли одновременно пройти пять или шесть человек.

Дядя сказал: «Вот мы и на месте».

За аркой был внутренний двор, посреди двора возвышался деревянный столб, а на нём висела лампочка, сплошь облепленная засохшей мошкаррой. На неё безуспешно пытались пристроиться ещё несколько насекомых, раз за разом ударяясь об стекло. Кто-то, увидев дядю, произнёс: «А, это ты, Саньюань».

Дядя лишь утвердительно хмыкнул и провёл девочку в передний дворик.

Так называемые передний и задний дворики отделялись друг от друга рядом одноэтажных домиков.

Двор был большой. Его обрамляли несколько рядов жилых домов.

И Цинъэ никогда не видела таких больших дворов.

Посреди той его части, которую можно было условно назвать передним двориком, стоял деревянный столб, на котором висела лампочка. Лампочку закрывал выдавший виды глазурованный плафон. Бесчисленные мошки, жертвуя жизнью, стремились к свету. Часть их пригорела к раскалённой лампочке, часть расшиблась и осыпалась наземь.

Земля была покрыта толстым слоем трупиков насекомых.

И на переднем, и на заднем дворике под фонарными столбами было по маленькому бассейну, в котором некоторые жильцы купались, громко плеща водой.

Только дядя вошёл в передний дворик, кто-то поприветствовал его:

— Саньюань, вот те раз! А мы сегодня ужика во дворе поймали, только доели, а тут и ты пришёл!

— Да ну тебя! — ответил дядя и завёл Цинъэ в угловую комнату.

Комната дяди была невелика: кровать, стол, старый деревянный стул, таз для умывания. В самом центре комнаты стояли его барабаны. Электрическая лампочка, оклеенные газетами стены и потолок были освещены закатным солнцем.

Дядина кровать была чистой, на одеяло и подушку было надето белое постельное бельё. И Циньэ так устала, что хотела как можно скорее приземлиться на кровать, но едва она присела, дядя сразу стащил её:

— Вся задница в пыли, хоть бы отряхнулась, прежде чем запрыгивать на кровать, — говоря это, он взял лежавшую рядом с подушкой щётку, с которой обращался довольно бережно, и хорошенько обмёл ею бока и зад своей племянницы. Дядя сказал:

— Артисты — люди серьёзные, нельзя к ним заявляться неотёсанной пастушкой. Если ты будешь грязная, как свинья, разве станут они играть и петь с тобой на одной сцене?

Как только И Циньэ присела на угол кровати, в комнату залетела какая-то женщина. И Циньэ сразу её узнала: это же актриса, игравшая роль Босоногого врача⁵ в прошлом спектакле, который она смотрела в общине! Девочка заробела и скользнула вниз с кровати.

Женщина же оказалась дружелюбной и первым делом спросила:

— Это и есть дочка твоей сестры?

Дядя утвердительно хмыкнул.

Женщина фыркнула:

— Да ладно! А чего она такая...

⁵ В Китае 1960-х годов существовал большой разрыв между богатыми и бедными. Кроме того, транспортная система была недостаточно развитой. Чтобы обеспечить сельских жителей медицинскими услугами, власти организовывали для крестьян краткосрочные курсы минимальной медицинской подготовки. Таких врачей называли босоногими, потому что сельским трудом в поле они занимались разутыми.

Дядя не дал ей договорить, а только бросил на неё прищуренный взгляд, и она сразу замолкла.

Дядя сказал:

— Это, И Циньэ, — известная актриса театра Ху Цайсян. Зови её учителем Ху. Ты уже видела её на сцене.

И Циньэ боязливо кивнула головой.

Обратившись к Ху Цайсян, дядя сказал:

— В этот раз понадобится твоя помощь. На следующей неделе прослушивание, нужно обязательно её поднатаскать. Разучите с ней гаммы, поработайте над осанкой, чтобы не стыдно было её комиссии показать.

Ху Цайсян ответила:

— Тише ты! Услышат тебя и опять на ковёр вызовут!

— На какой, к чёртовой матери, ковёр! — выругался дядя.

Ху Цайсян взволнованно трясла головой: — Ты уже раз побулил по шапке, забыл что ли?

— Не забыл, чёрт возьми, не забыл!

— Ладно-ладно, успокойся, не будем об этом, а то ты, чуть что, сразу кипятишься. Завтра вечером опять будем ставить «Сяньянхун», слышал?

— Для кого?

— Говорят, какой-то начальник приезжает проверять, как работают босоногие врачи.

— Важное выступление. Ты, конечно, на передовой?

Ху Цайсян скривила рот: — Смышлёный какой! Ага, конечно! Я ведь жене председателя Хуана жилеток не вязала!

— Ты о чём? Ну-ка поясни.

— А то ты не знаешь! Эта потаскушка натырила с цементного завода вязаных перчаток, распустила, нитки в клубок смотала, а потом всё сидела, крючка из рук не выпускала: жилетку ажурную связала. И угадай, на ком теперь эта жилетка?

— На жене председателя Хуана?

— А ты сообразительный! Вчера вечером прошёл дождь, эта женщина напялила жилетку и вышла прохладждаться. Такая

жара стояла, ни намёка на дождь, хоть бы потница не вылезла, — а тут на тебе! Натянула она эту пресловутую жилетку, и хоть ты что делай! Ха, знала бы она, что эта шлюха кувыркалась с её муженьком, никогда бы не надела! — Ху Цайсян говорила так воодушевлённо, что брови её будто пустились в пляс.

Дядя спросил: — Роль окончательно отдали Ми Лань?

— Она уже на генеральной репетиции отыграла сегодня.

— Ну, пусть выступает. Ей бы, конечно, не следовало, но если руководитель настаивает... Я буду не я, если не испорчу ей завтрашнее выступление.

Ху Цайсян снова скривилась:

— Ну-ну, рассказывай. Смотри как бы завтра на выступлении наоборот подлизываться к ней не стал.

— Подлизываться? Тьфу на тебя!

Ху Цайсян сказала:

— Вот завтра и посмотрим, что ты там выдашь.

— Успокойся. Что до её угодничества, я знаю как с этим бороться, — сказал дядя и сменил тему: — А ты пока займись моей племянницей.

Ху Цайсян сказала: — Об этом не беспокойся. У тебя кровать узкая, да и девочку с тобой не положишь. Пусть несколько дней поживёт в моей комнате, а я как раз за это время дам ей азы сценической игры.

Дядя сказал: — Спасибо тебе большое.

— Чурбан неотёсанный, а кое-какие вежливые слова помнит! — ответила Ху Цайсян, взяла неуклюжую И Циньэ за руку и потащила в свою комнату.

Комнаты дяди и Ху Цайсян были отделены друг от друга кухней. Они были одного размера и примерно одинаково обставлены. Но Ху Цайсян всё же девушка, поэтому в её спальне было много расчёсок, заколок, кремов и тому подобного. При входе в комнату в нос ударял запах духов, такой резкий, что щипало глаза. Ху Цайсян принесла со двора таз холодной

воды, добавила в него кипятка из термоса, затем велела И Циньэ умыться и сразу идти спать. Она вышла во двор и села с кем-то болтать у бассейна. В разговоре не было ни одной реплики без упоминания жилетки с хризантемами.

Умывшись, И Циньэ легла в постель и скромно свернулась калачиком в уголке кровати Ху Цайсян. Со двора слышались всплески воды, разговоры, звуки флейты и *хуциня*⁶, чьё-то пение и жужжание комаров, устроивших ночную атаку. Внезапно И Циньэ охватило чувство страха. Она ещё больше съежилась и стала похожа на куколку шелкопряда.

Она никогда не боялась уходить со стадом овец далеко в горы, но здесь ей было страшно. Ей казалось, что петь не так просто, как пасти овец. Ей хотелось вернуться, но сказать об этом дяде она не смела. Она прикрыла голову полотенцем, тихонько прошептала «мама», и из её глаз потекли слёзы.

Глава 3

И Циньэ не заметила, как заснула прошлой ночью. Во всяком случае, утром её разбудили звуки вокала. В деревне по утрам она почти всегда просыпалась от птичьего свиста и голосов домашних птиц. Кроме крика пастушки, подгонявшей стадо коров, можно было услышать обрывки народных песен, но такое красивое пение, как здесь, едва ли можно было услышать. К тому же это пел не один человек, а несколько. Кто-то пел во дворе, кто-то в своей комнате. Слышны были и звуки музыкальных инструментов — каждый играл сам по себе. Происходящее напоминало большой улей диких пчёл: как будто кто-то кинул в него камнем или пошурудил его палкой — пчёлы раз-

⁶ *Хуцинь* — китайский струнный смычковый музыкальный инструмент.

жужжали так, что на несколько дней заглушили вокруг голоса людей и плеск воды.

Утром театральная группа, увиденная И Циньэ, напоминала роящихся пчёл. Для девочки это было новым ощущением. Она быстро оделась. Она увидела, как Ху Цайсян раскрыла дверь настежь, одну ногу поставила в правый нижний угол дверного проёма, а другую задрала к верхнему левому углу. Вытянутые в прямую линию, её ноги напоминали расправленные крылья орла. Она ритмично покачивалась, и в моменты наибольшей растяжки ноги выгибались за пределы прямой линии, принимая форму лука. И Циньэ знала, что это называется шпагат. У артистов театра ноги были очень гибкими. Когда она ходила с мамой на выездные спектакли, она видела, что актёры могли в любой момент непринуждённо встать на шпагат на одной ноге. Они могли с лёгкостью дотянуться пальцем ноги до кончика носа, удержаться в таком положении и при этом ещё и распеваться: «А-а-а, и-и-и». Ху Цайсян тоже распевалась, но голос был как будто сдавленным. Увидев, что И Циньэ встала, она громко пропела: «Ми-ми-ми, ма-ма-ма».

— Давай, иди умывайся, потом буду учить тебя петь гамму, попадать в ноты, — сказала Ху Цайсян, указывая на таз для умывания.

Увидев, что вода уже подготовлена, И Циньэ умылась, робко зачерпнув две пригоршни воды. Ей хотелось в туалет, и она, мыча под нос, спросила учителя Ху:

— А где... тубзик?

— Тубзик? — усмехнулась Ху Цайсян, — а, я поняла: ты ищешь уборную? Твой дядя раньше тоже называл туалет «тубзиком». Больше так не говори: это звучит по-деревенски.

Ху Цайсян показала, в каком направлении туалет. И Циньэ, скользнув за угол, отправилась в эту сторону.

Выйдя за дверь, она увидела, что двор был полон людей. Кто-то стоял вверх тормашками, кто-то «в свечке». Вскоре она узнала, что первое упражнение называется не «вверх тормашками», а «стойка на руках». Некоторые делали сальто,

некоторые — цирковые манипуляции с палкой. Она стеснялась глазеть на то, как другие тренируются, поэтому шла, уставившись на свои ноги. Проходя мимо дядиной комнаты, она услышала звук барабанов, напоминавший стук жареных бобов о чугунную сковородку. Дядя, играя, бормотал себе под нос: «Пам, пам, пам, пам, тага-дага, тага-дага, ум-ца-ца, тыц!» Она бросила на него взгляд: дядя был погружён в ритм и максимально сосредоточен, щёки его были надуты. Девочка, опустив голову, быстро проскочила мимо.

Тубзик, который отныне назывался уборной, был пугающе огромным: только в женском отсеке было семь или восемь унитазов. Двое женщин сидели на корточках и одновременно пели свои партии. И Циньэ постеснялась делать свои дела при них, поэтому выскользнула наружу и стала ждать, когда они выйдут. Но как только они вышли, зашли другие, а потом ещё и ещё. Ждать не было сил, поэтому пришлось зайти и присесть в дальнем углу.

— О, Ми Лань! Говорят, сегодня вечером ты в «Сяньянхуне» играешь босоного врача. Правда? — раздался женский голос.

Кажется, вчера вечером учитель Ху и дядя упоминали имя Ми Лань. И Циньэ наострила уши.

— Да, подбираю вот за другими объедки.

— Чушь! Ты же теперь любимица председателя Хуана, если кто-то и подбирает объедки, то не ты.

Та, которую звали Ми Лань, кажется, рассердилась. Она сказала:

— Это кто тут языком лязгает? Это я-то любимица? Кто это сказал?

Другой голос в спешке возразил:

— Ишь, как покраснела! А разве плохо ходить в фаворитках? Я бы и сама так хотела, но разве ж этот чурбан позволит?

Ми Лань, натянув штаны, пригрозила:

— Ещё раз кто-нибудь языком лязгнет, берегитесь у меня! — договорив, смыла за собой и вышла.

Ещё одна женщина встала с корточек и, поднимая штаны, сказала:

— Ишь, какая! Хочет и роль получить, и от кирпичей увернуться. Эта бездарность ещё и строит что-то из себя, — сказала, и тоже вышла.

И Циньэ накрыло страхом. В деревне люди тоже ругались и поносили друг друга, если не из-за головки чеснока, то из-за куриного яйца, но не как здесь. Здесь же актёры дрались за роли в спектаклях. Пока она об этом размышляла, до её слуха донеслись голоса из-за стенки, из мужского туалета. Голосов было несколько:

— Ты, ёшкин дрын, всё утро стойку на руках делал, а стоечка-то не только на руках: между ног тоже будто шалашик поставили.

— Женился бы, чтобы был для шалашика чехол.

— Только если на чёртовой матери — у нас же тут все дамы заняты. Вот и приходится лысого гонять.

— Зачем гонять? Можно и по-другому.

— Это как?

— Друга лысого провололочкой примотать...

Раздал взрыв хохота, затем вся компания, продолжая галдёж, вышла из мужского туалета.

«Странные какие-то», — подумала И Циньэ о театральной труппе, — «неудивительно, что не каждый здесь приживается».

Когда И Циньэ вернулась в комнату Ху Цайсян, учитель Ху начала учить её петь гамму:

— До, ре, ми, фа, соль, ля, си.

Учитель Ху велела ей пропеть каждую из этих ступеней.

Девочка стеснялась и не могла издать ни звука.

Учитель Ху сказала:

— Артист театра не должен зажиматься, иначе всю жизнь будет на третьем плане. Чтобы петь на сцене, надо быть смелее, выдавать яркий звук. Это называется уверенность в себе, понимаешь?

Она попыталась петь громко. Хорошо, что снаружи всё ещё гудел «разворошённый улей», — можно было слиться с шумом.

Она не думала, что Учитель Ху удивится:

— Ну даёт! Вот так связки! Тебя раньше учили петь?

И Циньэ помотала головой:

— Не учили.

Так оно и было. Если и пела, то только когда пасла овец, да и то, скорее горланила на склоне холма. Когда рядом никого не было, голосила, не сдерживая себя: то пела, то просто кричала со всей дури. Иногда даже голос срывала от натуги. Но ведь это не сценический вокал, а так, надрывное пение деревенских песен. Кто пас скот, рубил дрова или рыл землю — всякий мог так горло драть. И Циньэ боялась, что на этом её погонят, но, вопреки ожиданиям, учителя Ху была изумлена и тотчас подозвала дядю:

— А девочка-то горластая! Не думала услышать от неё такой широкий диапазон и сладкий голос. Музыкальный слух, правда, небезупречный: видно, что не занималась. Но и медведь на ухо не наступал. Нужно практиковаться, тогда, как знать, может, из неё вырастет настоящая дива.

Дядя стал хвастаться:

— А ты как думала? Ни будь у моей племянницы потенциала, разве бы я её повёл в театральную труппу? А ты знала, что её отец играл в театре теней⁷ и был очень известен?

— Ой ли!

— Стал бы я тебя обманывать? Сейчас такое уже не разрешают петь, а если бы можно было, он бы приехал в уездный театр, вот тогда бы всякие бездари перепугались!

⁷ Театр теней — форма сценического визуального искусства, зародившаяся в Китае свыше 1700 лет назад. В театре теней используются большой полупрозрачный экран и плоские марионетки, управляемые на тонких палочках. Марионетки прислоняются к экрану сзади и становятся видны зрителю.

— Да-да-да. Хорошо уже хвастаться.

Впрочем, раньше И Циньэ что-то слышала от деревенских жителей о том, что её отец умел петь песни для театра теней. Как-то раз она спросила об этом отца, но тот сразу заткнул ей рот, сказав:

— Что за вздор! Это же один из четырёх пережитков⁸. Когда это я такое пел? Ещё раз что-нибудь подобное от тебя услышу, получишь у меня!

Она не знала, что такое четыре пережитка, но спросить не посмела. Если бы дядя сегодня не поднял эту тему, она бы вовсе забыла этот случай.

Признание учителя Ху придало И Циньэ уверенности в себе. Чем больше она пела, тем крепче становился её голос.

Учитель Ху также обучила её некоторым простым движениям и велела во время прослушивания держаться уверенно и естественно:

— Не сутулься и не зажимайся, тогда точно пройдёшь. Тем более у тебя тут дядя — свой человек. Думаю, никто не осмелится пойти против твоего зловредного дяди.

Сначала И Циньэ тренировалась под присмотром учителя Ху, но после полудня она ушла на репетицию, и девочка продолжила заниматься в комнате дяди. Репетиционный зал находился наискосок от дядиной комнаты, поэтому И Циньэ всю вторую половину дня слышала каждый звук, доносившийся оттуда.

Вечером дядя отправил её смотреть спектакль и велел сесть за оркестрантами. По славам дяди, в партере сидел важный начальник, поэтому в зал не разрешалось заходить всем подряд.

Перед самым началом представления она прошла вслед за дядей на сцену и села в сторонке.

⁸ Четыре пережитка — «старая культура», «старое мышление», «старые привычки», «старые обычаи» — то, что стремилась сокрушить власть во время Культурной революции. Кампания началась в Пекине 20 августа 1964 года.

Она сидела на самых задворках, и с её небольшим ростом оркестранты полностью её загораживали. Она видела только головы актёров и то, как они выходят на сцену и уходят за кулисы. Она испытывала очень необычные, свежие чувства.

Кто такие актёры, отсюда было видно как нельзя более отчётливо: перед выходом на сцену они забавляясь, тыкали друг в друга реквизитом, но, выйдя на сцену, они вмиг вживались в свои сценические роли кадровых работников, людей из массы, врачей, секретарей. Интересно было их поведение за кулисами. На сцене они держались со вздёрнутыми бровями, огненными глазами и втянутыми животами, но, едва ступив за кулисы, они превращались в обезьян и начинали ругаться:

— Бляха муха, ну и пекло на сцене, хоть яичницу жарь!

И Циньэ очень переживала, что на сегодняшнем представлении произойдёт что-то ужасное. Потому что она слышала, как дядя обещал учителю Ху, что испортит представление. Что он имел в виду, она не имела понятия, но явно ничего хорошего.

Дядя задавал ритм целому ансамблю, и зрелище на сцене было намного более впечатляющим, чем то, она видела в деревне. Двадцать с лишним музыкантов сидели на одном уровне. Только он возвышался над оркестром, его место было на специальных подмостках. Квадратные подмости были даже больше, чем большой деревенский стол на восемь человек, но немного ниже. Вокруг дяди стояли четыре барабана разных размеров. Одной рукой он управлялся с пластинками из слоновой кости, другой — барабанами. Все движения его рук, рта, глаз были способом связи с музыкантами и актёрами. Позднее И Циньэ узнала, что в китайском театре ударники играют ту же роль, что дирижёры в западных оркестрах, например Караян и Сэйдзи Озава. Неудивительно, что её дядю всегда слушали и считали авторитетом.

Немного погодя, после начала спектакля, Ху Цайсян принесла бутылку питьевой воды. Она не садилась — всё время стояла поодаль и не сводила глаз со сцены. Особенно с того момента,

как на сцену вышла Ми Лань: всё искала более подходящий угол обзора — смотрела на сцену из-за боковых кулис с разных ракурсов. Чаще всего она сверлила взглядом дядю. И Циньэ заметила, что с начала выступления дядя редко смотрел по сторонам. Он лишь пристально наблюдал движения актёров, следил за теми, кто играл на *баньху*⁹, гонгах и тарелках, а в сторону учителя Ху, кажется, вовсе не смотрел. Но он, конечно, знал, что она стояла где-то рядом. Её взгляд испепелял его беспрерывно.

И Циньэ весь спектакль переживала, что произойдёт что-то нехорошее, но ничего так и не случилось. Когда закрылся занавес, игравший на *баньху*, издал долгий вздох облегчения: «Сегодня отыграли просто безупречно! Ми Лань заметно выросла как актриса!»

Позади раздался грохот, как будто бросили камень: учитель Ху гневным пинком опрокинула реквизит. Затем, не удостоив никого из присутствовавших взглядом, ушла, распираемая гневом.

Странно было то, что никто не смотрел на удалявшийся силуэт учителя Ху — все взгляды были обращены на дядю. Некоторые, скривив рты, переглядывались, как бы призывая друг друга следить за реакцией дяди.

Она тоже смотрела на своего дядю. Дядя, обессиленный, сидел на стуле, совсем обмякший.

Все артисты собрали свои инструменты и разошлись, кто по двое, кто по трое.

И Циньэ помогла своему дяде выжать полотенце, которым он вытирал пот с лица. Полотенце было насквозь мокрым, как будто его только что достали из таза для умывания — столько

⁹ *Баньху* — китайский струнный смычковый инструмент с круглым корпусом из скорлупы кокосового ореха. Традиционный баньху использовался преимущественно в качестве аккомпанирующего инструмента в северно-китайской музыкальной драме. В XX веке начал использоваться как оркестровый инструмент.

с него натекло. Она подала ему полотенце. Он был настолько изнурён, что у него не было сил протянуть руку и взять его. Племянница вытерла ему лицо и шею. Она увидела, что жилетка и брюки, в которые он был одет, были насквозь промокшими. Когда он привстал, со стула закапал пот. За время спектакля дядя ни разу не встал со стула: он всем своим существом был сконцентрирован на музыке. Неудивительно, что дядя говорил: игра на барабанах — это нечеловеческий труд.

Всё это время на сцене руководитель общался с актёрами. Что он им говорил, даже вблизи не было слышно. Дяде, по-видимому, было всё равно, что там происходит. Немного придя в себя, он сразу начал собирать в тканевый мешочек колотушки, ударные пластинки и прочую перкуссию. Даже малюсенькие барабанчики размером с пиалу он бережно упаковал. И Циньэ хотела помочь, но дядя не разрешил.

Когда инструменты были почти собраны, к дяде подошли несколько человек. Среди них, в самом центре был высокий худощавый человек. Он улыбался дяде. Бросив взгляд на этого человека, И Циньэ заметила, что у него во рту блестел золотой зуб.

В то время, если кто-то ставил себе золотую коронку, это было целое событие. На родине И Циньэ у жены секретаря коммуны «Клюв орла» была такая коронка. Завидев кого-нибудь, она всегда широко улыбалась, обнажая свой золотой зуб. Едва показывался золотой зуб, любой сразу понимал, что перед ним жена секретаря.

Человек, стоявший рядом с золотозубым, заговорил первым:

— Ху Саньюань, сам председатель Хуан пришёл повидаться с тобой.

Председатель Хуан сказал:

— Ху Саньюань, всё руководство довольно. Говорят, спектакль замечательный. Все отметили твою игру, как чётко ты задаёшь ритм. Я и заместитель председателя Чжу будем хвалить тебя на собрании делегации.

Председатель Хуан нарочно выделил слово «заместитель».

От дяди не последовало никакой реакции: он продолжал зачехлять свои барабаны.

Тот, кого назвали заместителем Чжу, заметил:

— Вы, должно быть, устали. Идите домой, примите душ, хорошенько отдохните.

Дядя снова ничего не сказал. Закончив упаковку, он взял свои вещи и покинул помещение.

И Циньэ последовала за ним, держась далеко позади.

Председатель Хуан лишь недовольно буркнул:

— Вот чудной.

Тот, кого назвали заместителем Чжу, стал спешно оправдываться:

— Он просто устал. Устал, вот и всё. Барабанщик театрального оркестра выкладывается на все сто.

Позднее И Циньэ узнала, что руководителя театральной труппы называли не художественным руководителем, а председателем, по аналогии с председателем революционного комитета.

Выходит, что заместитель председателя Чжу был, по сути, заместителем художественного руководителя. Некоторые называли его кратко: заместитель Чжу.

И Циньэ вместе с дядей вернулась в комнату. Вслед за ними тотчас же вошла Ху Цайсян. Не сказав и двух слов, она вцепилась дяде пощёчину.

Дядя не сопротивлялся, а стоял столбом, безропотно, словно совершил ужасный проступок. Он как будто не смел смотреть учителю Ху в глаза.

Учитель Ху разразилась злобной тирадой:

— Ты же сам грозился, что испортишь представление этой лисице-оборотню! Что-то я не заметила, чтобы ты ей подгаживал, — наоборот, играл лучше прежнего. Ты белены, что ли, объелся? Флиртовать с этой шлюхой вздумал? Посмотри на её бесстыжие глаза — глазами так и стреляет, соблазняет тебя. А ты и рад на неё глазищи свои пялить. Смотри, чтобы,

чтобы из глазниц не выпали! Ты как посмел меня надуть? Сяньюань, сукин ты сын, ты — самая бессовестная тварь! Не зря тебя в труппе критикуют за аполитичность, — так тебе и надо! Ничего-то тебя кроме своего искусства не заботит! Расстрелять тебя мало!

Ху Цайсян поносила дядю и так и сяк, он же не произносил ни слова. Но в какой-то момент он не выдержал:

— Но Ми Лань действительно делает успехи, совершенствует мастерство. Она хорошо играла, как я мог ей мешать?

— Тьфу! Тут не лисица-оборотень хорошо играла, а ты совсем совесть потерял! Сначала мной воспользовался, а теперь свежатишки ему подавай! Погоди у меня, Ху Сяньюань, сукин ты сын, только дождусь, когда тебя опять на ковёр вызовут! Я ж тебе, чурбану, вкусненькое приносила и выслушивала тебя, когда тебе было плохо! Ну ничего, в этот раз я первая тебе разнос устройю на собрании, так и знай! Погоди у меня! Тьфу!

Выругалась и ушла, хлопнув дверью.

И Циньэ показалось, что ещё чуть-чуть, и в комнате бы рухнул потолок. Прошло немало времени, прежде чем дядя пришёл в себя. Наконец он сказал:

— Ложись спать, а я пойду пройдусь.

Только он собрался выйти, дверная шторка распахнулась и в комнату вошла Ми Лань, сыгравшая главную роль в спектакле. В руках её было эскимо. Она настойчиво пыталась всучить его дяде. Взяв мороженое, он тут же передал его племяннице. Тогда она ещё не знала, что такое эскимо.

Кроме мороженого, Ми Лань принесла дяде новое полотенце и сказала:

— Сяньюань, большое вам спасибо. Вы так хорошо играли! Даже не знаю, как вас благодарить. Это полотенце я купила, когда училась в провинциальном училище искусств. Примите от меня в подарок. Будете им пот вытирать. Возьмите в знак благодарности!

— Не сто́бит, не стоит. Твой уровень мастерства вырос. А хорошо отбивать ритм — это моя работа, — сказал дядя и попытался вернуть полотенце Ми Лань.

Но Ми Лань уже выскочила за порог и закрыла за собой дверь.

Дядя посмотрел на оставшееся в его руках полотенце и хотел было спрятать его в ящик стола, но тут в комнату снова влетела Ху Цайсян.

Полотенце успело поместиться в ящик наполовину, вторая же половина осталась снаружи.

Ху Цайсян сказала:

— Ну что? Точно втрескался! У всех на глазах тащит свои подарки.

Дядя молчал.

Испугавшись, И Циньэ быстро засунула эскимо под подушку.

Ху Цайсян ухватила её за руку и сказала:

— Пошли отсюда, будешь спать в моей комнате. Дядя твой бестолочь, но ты тут не при чём. Вчера у меня спала — поспишь и сегодня. Говоря это, она уже тянула её к выходу. Дойдя до порога, учитель Ху краем глаза заметила то самое полотенце и тотчас остановилась.

Дядя хотел загородить его собой, но женщина кинулась вперёд, схватила полотенце и ткнула им в лицо дяди:

— А это ещё что? Это что такое? Шило в мешке утаить пытаешься? Полотенца-то мы с твоей лисой-искусительницей вместе на Цзефанлу покупали, когда в провинции учились. Я своё тебе подарила, чтоб ты свою грязную морду вытирал, мало тебе? Ещё одно взял, чтобы грязную задницу вытирать, да? Ну давай, давай... — говоря это, учитель Ху порезала полотенце на тряпки.

Закончив, Ху Цайсян вцепилась в руку И Циньэ:

— Пошли! — и поволокла её прочь.

Глава 4

Ху Цайсян затащила И Циньэ к себе в комнату. Она продолжала бранить дядю, называя его сволочью и негодяем, за то что он помог лисе-оборотню, насыпал Ху Цайсян соли на рану, вонзил в её сердце нож. Тогда И Циньэ было не понять её злости. Только потом, став исполнительницей главной роли, она узнала, что такое борьба за возможность быть ею: ради главной роли актрисы были готовы были содрать с конкуренток кожу и выпить их кровь.

Ху Цайсян бранилась на чём свет стоит, а И Циньэ притворялась, что не понимает. Она лежала у неё в комнате, не издавая ни звука. Слышны были лишь тяжёлые вздохи Ху Цайсян, всю ночь ворочавшейся на своей кровати.

На следующее утро Ху Цайсян всё так же учила девочку петь гамму и двигаться. Только тон её был более саркастический, и время от времени она принималась поносить её дядю, Ху Саньюаня.

Когда урок пения был окончен, девочка вернулась в дядину комнату. Дядя всё ещё репетировал на барабанах. Увидев её, он спросил:

— Ну как, Ху Цайсян тебя не обижала?

Она ответила, что нет. Тогда дядя сказал:

— Таких истеричек ещё поискать надо, — договорил и как ни в чём не бывало снова обратился к своим инструментам. Девочка бросила взгляд на кровать и вдруг поняла, что дядя сменил постельное бельё. Дядя, не прерывая игры, произнёс:

— Ты вчера мороженое положила под подушку — дяде пришлось полночи заниматься стиркой.

Днём Ху Цайсян не появлялась. Вечером она резко вошла в комнату, схватила И Циньэ за руку и забрала к себе спать, с дядей же не обмолвилась ни одним словом.

Так учитель Ху скрепя сердце отзанималась с ней несколько дней. Пришло время экзаменов.

В тот день кандидатов было особенно много. Дядя сказал, что их на прослушивание пришли три с лишним сотни человек, а с ними ещё и родители. Во дворе и за воротами было не протолкнуться.

И Цинъэ украдкой выглянула в окно и заметила, что все кандидаты выглядели лучше неё и одеты были лучше. По словам Ху Цайсян, ребята щеголеватые и уверенные в себе. То, что нужно для актёров. Многие были одеты в клетчатые лавсановые рубашки. На нескольких девочках были платья в цветочек. Таковую красивую одежду И Цинъэ видела только на киноэкране. Дядя сказал, что в этом году из одного уездного центра несколько десятков претендентов — на редкость много: нынче театральное искусство особенно популярно. Но, как сказал дядя, И Цинъэ нечего бояться: главное не ударить в грязь лицом на прослушивании, а об остальном он позаботится.

Перед самым началом собрания вдруг подошла Ху Цайсян, взяла И Цинъэ за руку и поволокла в общежитие. Войдя в комнату, она без лишних разговоров велела девочке переодеться. Платье было новое. Учитель Ху, видимо, купила его только что: от спешки всё её лицо было в поту. На самом деле девочка и так была одета в новую одежду, которую дядя вчера ей купил. Он специально взял вещи большего размера, мол, на вырост, да и от стирки сядут, но Ху Цайсян только выругалась:

— Бестолочь твой дядя. Есть глаза — а зрачков нет! Набрал шмотья как на беременную бабу. Опозорить тебя на сцене хочешь, что ли? Скидывай скорее, пусть своей Ми Лань, этой лице-оборотню несёт!

Говоря это, Ху Цайсян ловко стащила с девочки одежду и надела на неё новое платье. Неожиданное преобразование сбилось девочку с толку: она не знала куда девать руки и ноги. Учитель Ху сказала:

— Запомни! Человека красит одежда, а коня — седло! Ну вот, переделась в приличное — стала на человека похожа. Ох уж этот твой дядя! Вот олух! Ничего не может нормально сделать! Тьфу! Козёл криворогий!